

УДК 94

КОНЦЕПЦИЯ ОПЕКИ Ф. РУЗВЕЛЬТА И ПОПЫТКА ЕЁ ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ В КОРЕЕ

© 2016 г.

В.Т. Юнзблюд, Д.А. Садаков

Вятский государственный университет, Киров

rstk2005@gmail.com

Поступила в редакцию 01.09.2016

Концепция опеки являлась одной из ключевых идей президента США Ф. Рузвельта. В статье анализируются мотивы, по которым Корея была избрана Вашингтоном в качестве одного из испытательных полигонов для неё, а также причины, по которым идея опеки вскоре после освобождения полуострова стала не предметом конструктивного обсуждения, а маркером свой-чужой для разномастных политических течений правого и левого толка и инструментом для политических махинаций.

Ключевые слова: опека, Рузвельт, Трумэн, внешняя политика США, раскол Кореи, советско-американские отношения.

Концепция опеки являлась одной из ключевых идей президента США Ф. Рузвельта и предусматривала постепенное создание национальных государств у неготовых к немедленно получению независимости народов под тщательным присмотром со стороны специального международного органа. В статье анализируются мотивы, по которым Корея была избрана Вашингтоном в качестве одного из испытательных полигонов для этой идеи, а также причины, по которым идея опеки вскоре после освобождения полуострова стала не предметом конструктивного обсуждения, а маркером свой-чужой для разномастных политических течений правого и левого толка и инструментом для политических махинаций. Следствием этой трансформации стало то, что в 1947 г. на смену концепции совместного строительства единого корейского государства пришёл механизм раскола полуострова на два независимых и враждебных друг другу образования.

Фиксирование раскола Кореи в 1948 г. стало примером события, когда конечный результат исторического процесса прямо противоречил всем изначальным замыслам пытавшихся управлять им политиков, поскольку в ходе обсуждения принципиальных моментов корейского урегулирования, которое происходило в годы Второй мировой войны, в Корею планировалось установить режим международной опеки, благодаря которой можно было бы подготовить находящийся под японским колониальным гнётом корейский народ к независимости, дабы тот, по истечении определённого периода, смог взять власть в свои руки. Применение данного подхода было обусловлено тем, что в глазах США и их ближайших союзников Корея, как

правило, воспринималась как бывший «варварский вассал» Китая, которого аннексировали японцы и теперь приобщают к цивилизации жёсткими методами [1, гл. 2, с. 3]. Население корейского полуострова виделось неспособным к самостоятельному государственному строительству и неготовым к передаче судьбы Кореи в руки её народа – как то было с Филиппинами после Испано-американской войны 1898 г.

Истоки концепции опеки связаны с англо-американским территориальным спором 1936–1939 гг., предметом которого являлся остров Кантон в Тихом океане [2, р. 40–41]. В итоге стороны достигли компромисса – спорный остров вошёл в состав новообразованного condominiuma Кантон и Эндербери, который на 50 лет был поставлен под совместное англо-американское управление, что обеспечило соблюдение интересов обеих держав¹. Именно тогда у Рузвельта и возникла мысль, что «нет причин, по которым данный подход не мог успешно сработать и для гораздо больших по размеру территорий в других частях света» [2, р. 41].

Другим источником вдохновения для рассматриваемой концепции служил филиппинский опыт США [3, р. 22] – в 1935 г. Филиппинам был предоставлен автономный статус, на островах действовало переходное национальное правительство. В целом, концепция опеки предусматривала постепенное создание национального государства под тщательным присмотром со стороны специального международного органа. В видении Ф. Рузвельта эта концепция была тесным образом связана с созданием Организации Объединённых Наций и была применима к самым разным территориям, разбросанным по всему миру, – от Прибалтики до острова Вознесения и Гонконга [4, р. 1305].

Наравне с основной, антиколониальной составляющей данный подход позволял решить целый ряд стратегических задач – найти замену уходящей в небытие вместе с Лигой Наций мандатной системе, не допустить возврата в орбиту влияния старых колониальных держав отторгнутых Японией территорий, предотвратить приход к власти в опекаемых территориях радикальных движений и обеспечить доминирование в постколониальных странах нейтральных или, что более предпочтительно, дружественных США политических сил. Одной из любимых идей Рузвельта, согласно воспоминаниям начальника штаба при верховном главнокомандующем вооружёнными силами США адмирала У. Леги, было создание на опекаемых территориях по всему миру сети стратегических баз под эгидой ООН [5, р. 314]. Стоит отметить, что международный характер опеки формально соблюдал интересы союзников Соединённых Штатов по антигитлеровской коалиции, что было принципиально важно для успешной реализации принципа «четырёх полицейских». По мнению Рузвельта, решение означенных задач обеспечивало создание дееспособной тихоокеанской системы международной безопасности как минимум на ближайшие 20 лет [6, р. 429].

В ходе практической проработки концепции опеки в среде американского истеблишмента возникла дискуссия о принципах её реализации и принципе отбора подлежащих опеке государств. Наиболее радикальных взглядов придерживался вице-президент Г. Уоллес, призывавший к немедленному освобождению всех пребывавших в колониальной зависимости народов после окончания войны [3, р. 59]. Проект, предложенный заместителем госсекретаря США С. Уэллесом, был более реалистичным и предусматривал создание специальной международной администрации, которая через сеть специальных советов осуществляла бы опеку над территориями колоний с целью подготовки их к независимости [7, р. 383–384]. Как указывает историк Дж. Таллен, проект вызвал резкие возражения со стороны госсекретаря К. Хэлла, который руководствовался в первую очередь не абстрактными антиколониальными идеями, а необходимостью поддержания единства в рядах антигитлеровской коалиции. Хэлл настаивал на том, чтобы система опеки распространялась только на принадлежащие державам Оси территории, с чем был согласен и Рузвельт [8, р. 23].

Согласование концепции опеки на международной арене также проходило не без проблем. Так, Чан Кайши раздражала её патерналистская

суть, а британцы беспокоились о судьбе собственной колониальной империи. Особых возражений данный механизм не вызвал разве что в Москве.

В итоге, с учётом мнения членов своей администрации и возражений союзников по антигитлеровской коалиции к марту 1945 г. Рузвельт формулировал свой подход следующим образом: опека должна применяться к территориям, отторгнутым от врага и относящимся к Тихоокеанскому региону. Суверенитет над опекаемыми территориями надлежало делегировать Организации Объединённых Наций, которая, в свою очередь, передавала бы полномочия по опеке заинтересованным государствам. В таком виде концепция вполне отвечала задаче обеспечения безопасности США на Тихом океане – под неё попадал целый ряд стратегически важных островов: Кваджалейн, Марианский архипелаг, Трук и т.д. [9, р. 33].

Предложение установить в Корее режим международной опеки – на тот момент американский президент полагал, что её будут осуществлять США, СССР, Китай, Великобритания и Канада [10, р. 153], – впервые прозвучало в ходе встречи Рузвельта с Э. Иденом 27 марта 1943 г. в Вашингтоне [11, р. 37]. Поскольку реализация этого сценария в Корее – колонии одного из членов Оси – не затрагивала жизненные интересы Британской империи, возражений со стороны английского министра не последовало, что позволило США и Великобритании занять согласованную позицию на Каирской конференции, проходившей с 22 по 26 ноября 1943 г.

В её итоговом коммюнике США, Великобритания и Китай констатировали, что после победы над Японией «в должное время Корея должна стать свободной и независимой» [12, р. 449]. По мнению С. Уэллеса, которое он высказал вскоре после Каирской конференции, восстановление корейской независимости стало бы дополнительным стабилизирующим фактором для новой международной системы, которую предстояло выстроить в Тихоокеанском регионе [13, р. 191]. На Тегеранской конференции (28 ноября – 1 декабря 1943 г.) корейский вопрос был поднят вновь. И.В. Сталин, беседуя с Рузвельтом и Черчиллем, согласился с тем, что Корея должна стать независимой [12, р. 566].

Сами корейцы, однако, крайне негативно восприняли принятые на конференциях союзных держав решения. Идея опеки над Кореей выглядела в глазах лидеров корейской эмиграции как «не соответствующая Атлантической хартии и противоречащая воле 30 000 000 корейцев» [14, р. 333]. Опасались корейские лиде-

ры и того, что китайцы могут воспользоваться этими обстоятельствами для вмешательства во внутренние дела будущей независимой Кореи [11, р. 1096]. Впрочем, риторика корейской эмиграции не оказывала заметного влияния на позицию руководства США.

Судьбоносные для Корейского полуострова решения были приняты на Ялтинской конференции 1945 г. 8 февраля состоялась встреча Рузвельта и Сталина, во время которой американский президент затронул вопрос установления системы опеки над Кореей. Как вспоминал Дж. Форрестол, Сталин усомнился в целесообразности опеки, если корейцы сумеют самостоятельно сформировать «удовлетворительное правительство» [9, р. 56]. Однако президент США заявил, что корейцам необходима помощь в управлении страной в течение 20–30 лет. В ответ Сталин отметил необходимость сокращения продолжительности опеки до минимума [15, с. 131]. Относительно целесообразности участия Великобритании в контроле над подопечным государством было решено обратиться к Лондону с соответствующим предложением только в том случае, если англичане «поднимут большой шум» [16].

Таким образом, в начале 1945 г. в Вашингтоне были сформулированы и согласованы с главными заинтересованными сторонами общие принципы урегулирования корейского вопроса – Корея должна была стать свободной и независимой после подготовительного периода опеки. Судьба полуострова обговаривалась лишь в самых общих чертах, поскольку американцы и их союзники не рассчитывали, что Япония капитулирует уже в ближайшие месяцы. Конкретные планы послевоенного урегулирования предполагалось согласовать на завершающем этапе Второй мировой войны.

12 апреля 1945 г. президентом США стал Г. Трумэн. По мнению историка У. Мискембла, автора работы «От Рузвельта к Трумэну: Потсдам, Хиросима и Холодная война», новый американский лидер искренне пытался продолжать внешнеполитическую линию своего предшественника на этом посту [17, IX]. Будучи вице-президентом, Трумэн не был посвящён в детали целого ряда важнейших международных и стратегических событий и процессов [18, р. 54]. В результате он первое время был вынужден постоянно консультироваться с советниками Рузвельта по актуальным вопросам международной политики, что, учитывая неоднородность мнений в среде президентской администрации, накладывало свой отпечаток на судьбу идей покойного президента. Как отмечает В.О. Печатнов, май – июнь 1945 г. стали време-

нем напряжённых дебатов внутри американского истеблишмента. Сторонники рузвельтовской линии, обеспокоенные признаками «похолодания», призывали предотвратить развитие советско-американских отношений в сторону враждебности. Ястребы, в свою очередь, настаивали на сдерживании советской экспансии через создание противовесов ей в Европе и Азии [19, с. 331].

Активная дискуссия, которую не успел разрешить до своей кончины Рузвельт, шла и относительно судьбы концепции опеки [2, р. 304]. Окончательное согласование основных её принципов состоялось на Сан-Францисской конференции, проходившей с 25 апреля по 26 июня 1945 г. Хотя Трумэн и не поддержал позицию военного министра США Г. Стимсона и морского министра Дж. Форрестола, стремившихся вовсе убрать опеку из повестки конференции, по предложению госсекретаря Э. Стеттениуса в дополнение к концепции Рузвельта было введено понятие «стратегических районов», которое применялось к тем территориям, подлежащим опеке, на которых планировалось развёртывание американских военных баз. В «стратегических районах» полномочия ООН по надзору за территориями планировалось существенно ограничить, передав их в руки непосредственно опекуна – Соединённых Штатов [2, р. 319–320]. Данная инициатива впоследствии была положена в основу 82-й статьи Устава ООН.

Кроме того, стремившийся устранить возможность советской экспансии, Трумэн поддержал предложение военных и Госдепартамента, заключавшееся в том, чтобы в Сан-Франциско обсуждались лишь общие принципы опеки, но не принимались решения в отношении конкретных территорий [9, р. 44; 19, р. 151].

Что касается корейского вопроса, то лишённый рузвельтовского идеализма Трумэн, несмотря на свои антиколониальные воззрения [20, р. 57], увязывал его в первую очередь с общей стратегией США в войне против Японии [21, р. 151]. Поскольку весной 1945 г. военные советники американского президента настаивали на важности вступления СССР в войну на Тихом океане, оценивая в 500 000 человек ориентировочные американские потери в ходе десанта на японские острова при сохранении японского контроля над Китаем [18, р. 265], поначалу курс на сотрудничество с СССР на Дальнем Востоке сохранялся. В мае 1945 г. Трумэн направил Г. Гопкинса в Москву для переговоров со Сталиным. В Москве Гопкинс озвучил предложение об организации четырёхсторонней опеки над Кореей сроком на 25 лет. Сталин одобрил это предложение [22, р. 47], но,

как мы знаем, эта договорённость была скорее соглашением о намерениях.

В период подготовки к Потсдамской конференции (17 июля – 2 августа 1945 г.) американцы, совместно с британскими и китайскими коллегами, не успели выработать конкретный проект послевоенного устройства Кореи [22, р. 313], ограничившись формулированием основных руководящих принципов для него. В их основе, как и при Рузвельте, лежал принцип многосторонней опеки. Кроме того, на тот момент амбиции американцев в Корее в значительной степени были ограничены их военными возможностями – в Вашингтоне безусловно желали скорейшего вступления СССР в войну против Японии, рассматривая его как решающий фактор, который принудит японцев к капитуляции [22, р. 930].

Однако 16 июля 1945 г. произошло событие, во многом перечеркнувшее прежние планы Соединённых Штатов. Им стало успешное испытание американской атомной бомбы. Это событие повлекло за собой кардинальные изменения в американской внешней политике. Уже в Потсдаме состоялась встреча Трумэна с начальником штаба сухопутных войск США генералом Дж. Маршаллом и верховным главнокомандующим союзных войск на Юго-Восточно-Азиатском театре боевых действий британцем Л. Маунтбетгеном, на которой обсуждалась возможность применения нового разрушительного оружия в войне против Японии с целью принуждения её к капитуляции [23, р. 34]. С этого момента Трумэн начал терять интерес к вступлению СССР в войну на Тихом океане [21, р. 153]. Сталин, напротив, стремился использовать военную силу на Дальнем Востоке для достижения своих геополитических целей в регионе [24, р. 1].

Не менее важно, что именно в этот период в Вашингтоне стали крепнуть подозрения по поводу намерений Москвы играть руководящую роль в корейских делах [22, р. 313]. Так, ещё на Ялтинской конференции, когда Сталин озвучил своё предложение отказаться от установления опеки, если корейцы самостоятельно сумеют сформировать «удовлетворительное правительство», посол США в СССР А. Гарриман отмечал, что под термином «удовлетворительное правительство» Сталин подразумевал коммунистическое [9, р. 56]. С течением времени опасения в недобросовестности Кремля укреплялись, в том числе благодаря поступающим слухам о формировании на советском Дальнем Востоке 1–2 дивизий, состоящих из этнических корейцев, которые могли бы использоваться для захвата контроля над страной и создания подкон-

трольного Москве правительства². Соответственно, в ходе подготовки к Потсдамской конференции американцы утвердились в желательности организации такого порядка административного управления полуостровом, при котором «Советский Союз обладал бы лишь номинальным голосом» [22, р. 313].

Обмен мнениями по корейскому вопросу на Потсдамской конференции произошёл 22 июля. Вопреки ожиданиям союзников, опасавшихся намерений Москвы единолично контролировать Корею, Сталин настаивал на скорейшем введении опеки [25, р. 260]. Однако британцы и американцы единым фронтом выступили против обсуждения вопросов об опеке на конференции, за исключением проблемы будущего итальянских колоний [25, р. 604]. По мнению историка Дж. Мэтроя, они ожидали упредить советскую оккупацию полуострова выведением Японии из войны при помощи ядерного оружия [21, р. 153]. В результате на конференции были обговорены лишь военные аспекты взаимодействия на Дальнем Востоке. Согласовать конкретные механизмы опеки над Кореей, а также и над другими государствами так и не удалось. Такой результат рассматривался в военно-политических кругах США как поражение Сталина. В своих мемуарах адмирал Леги чрезвычайно высоко оценивал действия Трумэна на конференции [5, р. 428].

В целом, к концу 1945 г. важным стимулом к претворению в жизнь в послевоенном мире рузвельтовской идеи опеки по-прежнему были антиколониальные соображения. Однако они относились лишь к утраченным странами Оси колониям и бывшим подмандатным территориям Лиги Наций, преимущественно располагавшимся на африканском континенте. Вашингтон проявил реальный интерес лишь к опеке над рядом стратегически важных островов Тихого океана, что было лишь дипломатическим прикрытием фактической аннексии этих территорий американцами с целью обустройства на них военных баз. Корея же находилась на перекрёстке этих двух направлений, являясь одновременно и колонией Японской империи, и стратегически важной точкой Тихоокеанского региона. Ситуацию осложняла заинтересованность в её судьбе имевших с ней сухопутную границу СССР и Китая. В этих условиях у Кореи был шанс оказаться единственным в мире испытательным полигоном для практической проверки идеи международной опеки над не готовой к немедленному предоставлению независимости территорией.

В августе 1945 г. Корея была освобождена от японского господства и разделена на две окку-

пационные зоны. Как отмечалось ранее, на Потсдамской конференции были согласованы лишь военные аспекты международного взаимодействия на Дальнем Востоке. В результате, на начало совместной оккупации Кореи, руководящими документами антигитлеровской коалиции по-прежнему оставались положения, согласованные на Каирской и Ялтинской конференциях [26, р. 540], в соответствии с которыми введение многосторонней опеки над Кореей безусловно рассматривалось в Госдепартаменте как базовый сценарий послевоенного развития этого государства [27, р. 1040]. Так, 26 сентября 1945 г. в ходе разговора с китайским послом в США Вэем Даомином эту идею Рузвельта поддержал заместитель госсекретаря Д. Ачесон, который подтвердил неизменность курса по корейскому вопросу и выразил надежду, что находящаяся под международной опекой гражданская администрация уже в ближайшем будущем сменит военные власти на полуострове [28, р. 1058].

22 октября 1945 г. позиция США была конкретизирована в обобщающем отчёте по корейскому вопросу подкомитета по Дальнему Востоку координационного комитета Государственного, Военно-морского и Военного департаментов. Американские аналитики настаивали на том, чтобы совместная оккупация Кореи как можно скорее была заменена введением международной опеки [27, р. 1094]. Поскольку Корея не входила в список так называемых «стратегических районов», которые американцы использовали для создания сети военных баз на Тихом океане, в видении США режим опеки на полуострове был призван в кратчайшие сроки подготовить корейский народ к независимости и сделать Корею полноправным членом Организации Объединённых Наций. Характерно, что конкретные положения американского плана по опеке были весьма идеалистичны и оторваны от существующих на полуострове условий. Так, американцы предполагали установить единую внутреннюю, финансовую и экономическую политику для уже разделённой на две части страны. Кроме того, в качестве аксиомы использовался тезис о неготовности корейцев взять на себя ответственность за свою безопасность и сохранение суверенитета [27, р. 1099–1102]. Позицию администрации разделял и командующий американскими войсками в Китае генерал А. Ведемейер, призывавший как можно скорее установить четырёхстороннюю опеку над Кореей [26, р. 660].

Стоит отметить, что партнёры США по ведению переговоров о будущем Кореи не до конца разделяли мнение Вашингтона относи-

тельно опеки. Формальное одобрение американского подхода было получено лишь со стороны Китайской республики [27, р. 1058], не имевшей особых рычагов влияния на ситуацию на полуострове. Великобритания была готова поддержать любой вариант урегулирования, способный помочь Корее обрести дееспособное правительство и предотвратить её превращение в очаг международного соперничества. Однако глава дальневосточного отдела британского министерства иностранных дел Дж. Стерндейл Беннетт отмечал, что предложенный американцами вариант может не сработать, и рекомендовал в кратчайшие сроки сформировать независимое корейское правительство и оказать ему помощь советниками и поставками ресурсов, – фактически британский дипломат соглашался с представителями корейских политических движений. Кроме того, он опасался, что Москва может воспользоваться неопределённостью положения на Дальнем Востоке для укрепления своих позиций в Маньчжурии и Корее, что могло привести к необратимым последствиям для региона [27, р. 1124–1125]. Однако, несмотря на это мнение, в ходе осеннего визита премьер-министра Великобритании К. Эттли в Нью-Йорк была вновь подтверждена приверженность союзников идее четырёхсторонней опеки над Кореей [18, р. 540].

Представление о советской позиции по вопросу об опеке над Кореей американцы получили из косвенных источников – публикаций в советской прессе: в то время Москва крайне неохотно шла на любые контакты по корейскому вопросу. По мнению историка Ки Кван Со, Кремль ещё недостаточно хорошо разбирался в ситуации на полуострове [28, с. 98]. В проанализированных сотрудниками посольства США в Москве материалах всячески защищалась идея предоставления Корее полной независимости, а концепция опеки даже не упоминалась. По мнению посла США в СССР А. Гарримана, это было связано с тем, что Москва рассматривала Корею в качестве государства, которое могло послужить плацдармом для нападения на СССР. Соответственно, Кремль был заинтересован в том, чтобы реализовывать свои интересы на полуострове не через орган международной опеки, где у него был лишь один голос из четырёх, а через прямые действия, направленные на консолидацию левых сил в советской оккупационной зоне и расшатывание ситуации на Юге [27, р. 1122].

Если отношение Лондона и Москвы к перспективам режима опеки было прохладным, то на полуострове обнародование американских планов спровоцировало волну протестов. В

местной прессе опека воспринималась как оскорбление корейской нации [27, р. 1120]. 4 ноября 1945 г. корейский конгресс политических партий принял резолюцию, в которой подчёркивалось, что весь корейский народ шокирован новостями о введении опеки над полуостровом. В документе, под которым стояла подпись Ли Сын Мана, говорилось о том, что корейцы своими силами могли бы за год навести порядок в стране, а при наличии иностранных советников и оказании необходимой материальной помощи в сравнимый срок можно было бы наладить и полноценную мирную жизнь. Мнение о неготовности народа Кореи к независимости провозглашалось основанным на постулатах японской пропаганды [27, р. 1111]. Протестное отношение к опеке объединяло против иностранцев представителей самых разных политических течений – как правых, так и левых. Ситуацию дополнительно усугублял факт раздела Кореи на две оккупационные зоны, также вызывавший острое неприятие корейцев [27, р. 1120]. Недовольство планами великих держав, которое подогревали местные националисты, ложилось на благодатную почву. К неопределённости с политическим будущим Кореи добавлялась неразбериха в экономике и всеобщая ненависть к японским официальным лицам, многие из которых по решению главы администрации США на полуострове генерала Ходжа временно сохранили свои посты [27, р. 1150]. Последний сравнивал положение во вверенной ему оккупационной зоне с «бочонком пороха, готовым взорваться при поднесении искры» [27, р. 1149].

Понимание, что в сложившихся условиях реализация плана опеки над Кореей не является оптимальным сценарием, утвердилось в среде сотрудников американской администрации на полуострове гораздо раньше, чем в Вашингтоне. 20 ноября 1945 г. политический советник генерала Ходжа У. Лэнгдон поставил под сомнение необходимость введения режима опеки над полуостровом. Судя по всему, взгляды американского дипломата существенно изменились всего за один месяц, в течение которого он пробыл на территории освобождённого полуострова в новой должности. Если в годы Второй мировой войны Лэнгдон говорил о корейцах как о бедном и политически неопытном народе, не готовом к самоуправлению, то теперь он подчёркивал, что народ Кореи за исключением 35-летнего периода японского господства всегда был самостоятельной нацией, для которой характерен высокий по азиатским меркам уровень культуры, грамотности и жизненных стандартов. Лэнгдон обращал внимание на тот

энтузиазм, с которым корейцы немедленно после освобождения приступили к созданию собственных политических организаций, а также на размах движения против опеки. Среди недостатков, свойственных корейской политической культуре, американский дипломат выделял фракционность и нетерпимость к оппозиции. Однако, по его мнению, установление режима опеки никак не смогло бы помочь их преодолеть [27, р. 1131]. Лэнгдон также подверг критике тактику самоустранения от активных действий, которая преследовала задачу создать условия для свободного волеизъявления корейского народа по вопросу о выборе формы правления, и предложил начать формирование дееспособной политической силы во главе с лидерами так называемого Временного правительства [27, р. 1132].

9 октября 1945 г. по инициативе генерала Ходжа при администрации США в Корее была создана Палата советников, состоящая из 11 этнических корейцев, лишь один из них Ё Ун Хён, был представителем левых политических сил. Остальные 10 представителей народа Кореи, отобранные американцами, были консерваторами. Как отмечает М. Гастингс, этот орган был обречён с момента его создания – большинству корейцев он напоминал о временах японского господства. Достаточно сказать, что председателем Палаты советников стал Ким Сен Су, известный своим сотрудничеством с японской колониальной администрацией [28, р. 35]. В видении Лэнгдона вслед за образованием этого органа должно было последовать создание при американской военной администрации «руководящей комиссии», состоящей из представителей местных политических сил во главе с Ким Гу. В перспективе комиссия переняла бы функции военной администрации в качестве временного правительства и взяла бы на себя руководство по созданию основ новой корейской государственности. Со временем под контроль данной комиссии должна была перейти и советская оккупационная зона – тогда в её состав вводились бы северокорейские представители. В случае если бы СССР не пожелал сотрудничать с США по этому вопросу, американский дипломат рекомендовал реализовывать этот план исключительно к югу от 38-й параллели [27, р. 1132].

Необходимо признать, что Лэнгдон достаточно реалистично воспринимал перспективы попыток навязать корейцам неприемлемый для них режим опеки. Предложенный им план был гораздо лучше соотнесён с условиями на полуострове, чем унаследованные от Рузвельта подходы, однако совершенно не учитывал интере-

сы Советского Союза. По факту, американский дипломат уже в ноябре 1945 г. предлагал взять курс на прямое нарушение договорённостей, достигнутых в годы Второй мировой войны, и фиксирование раскола Корейского полуострова по 38-й параллели.

Однако на тот момент Вашингтон ясно дал понять, что выступает против разрыва диалога с Москвой по корейскому вопросу. Отвечая Лэнгдону, госсекретарь Бирнс допускал смену курса по вопросу об опеке, однако подчёркивал, что новая Корея должна будет сохранить своё единство. Создание какого-либо представительного корейского органа существенно осложнило бы взаимодействие с Москвой, а потому было признано нецелесообразным [27, р. 1137–1138]. Генерал Ходж учёл пожелания госсекретаря своеобразно – командуящий подчеркнул принципиальную необходимость создания корейского органа исполнительной власти, однако, идя навстречу пожеланиям Госдепартамента, Ходж согласился назвать новый орган менее претенциозно, нежели «руководящая комиссия», и ограничить зону его влияния южной оккупационной зоной [27, р. 1142]. Как отмечает южнокорейский историк Пак Тхэ Гён, к тому времени политика американской военной администрации во многом основывалась на подходах, предложенных Лэнгдоном [29, р. 48].

В конце ноября 1945 г. Вашингтон предложил партнёрам по антигитлеровской коалиции внести корейский вопрос в повестку готовящегося Московского совещания министров иностранных дел [30, р. 587]. Эта позиция была поддержана в Москве и Лондоне [30, р. 617].

16 декабря 1945 г. Московское совещание министров иностранных дел было открыто. Его решениям было суждено оказать определяющее влияние на послевоенную судьбу Кореи. Американский подход к решению корейского вопроса на совещании предусматривал установление четырёхстороннего управления страной при помощи организации опеки на срок до 10 лет, которую должен был осуществлять специальный административный орган, состоящий из представителей США, СССР, Великобритании и Китая. Во главе него должны были встать командующие советских и американских войск на территории Кореи [31, с. 98].

Проект советской стороны, впоследствии поддержанный американцами, подразумевал скорейшее создание независимого и демократического национального правительства при содействии со стороны совместной советско-американской комиссии. Дабы не нарушать предшествующие договорённости, Москва в своём проекте предусмотрела реализацию опе-

ки, но в трактовке Кремля под ней теперь подразумевалось не прямое влияние на управление страной, а всего лишь разработка комплекса мер помощи и содействия прогрессу корейского народа, реализация которых должна была растянуться на срок до 5 лет [31, с. 99–100]. В целом, на данном этапе советско-американский диалог по поводу Кореи был ещё достаточно конструктивным. Великие державы продемонстрировали свою способность договариваться даже на фоне наметившегося обострения двусторонних отношений. Так, СССР поддержал американскую идею опеки, а США согласились форсировать создание Временного корейского правительства. При этом, в отличие от договорённостей периода Второй мировой войны, великие державы не ставили под вопрос способность корейцев к самоуправлению – создание временного корейского правительства было предусмотрено до, а не после введения режима опеки [32, р. 217].

Успешная реализация московских решений вполне могла привести к нейтрализации и демократизации Кореи. Как отмечает А.Д. Богатуров, СССР и США оптимальным вариантом считали превращение Кореи в своеобразную буферную зону, вследствие чего обе державы избегали прямой поддержки как левых, так и правых националистических движений в своих зонах оккупации [33, с. 73]. По мнению Бок Рё Сина, соглашение об опеке позволяло гарантировать сохранение советского и американского влияния в Корею и позволяло избежать доминирования на полуострове только одной из великих держав [34, р. 206–207]. В отсутствие же такого соглашения Корея неизбежно вновь стала бы объектом противостояния более могущественных держав [35, р. 26–27].

Однако даже в советской редакции наличие пункта об опеке вызывало острое неприятие у корейцев, чьё понимание опеки было ближе к её оригинальному, рузвельтовскому смыслу. В свою очередь, население полуострова, пережив длительный период японского господства, стремилось как можно скорее получить полную независимость. Именно поэтому и левые, и правые партии Кореи с самого начала высказывались решительно против любой формы опеки.

Согласно отчёту А. Эммонса³, после опубликования решений Московского совещания, настроения корейцев в американской оккупационной зоне варьировались от растерянности до открытого выражения протеста [27, р. 1152]. Военная администрация США не предпринимала никаких мер, чтобы заблокировать движение против опеки. Напротив, глава американской военной администрации генерал Дж. Ходж ре-

комендовал отказаться от опеки, а госсекретарь Дж. Бирнс предложил трактовку решений Московского совещания, согласно которой введение опеки не являлось обязательным пунктом [31, с. 103]. Б. Камингс указывает на то, что с момента появления корейских протестов против опеки генерал Ходж стремился убедить местное население в том, что только коммунистически настроенные американцы поддерживают введение попечительства и что на этот шаг администрация США пошла лишь под давлением Советского Союза [32, р. 217]. С точки зрения корейского историка Чо Сун Сона, в этот период Государственный департамент был уверен в необходимости опеки для защиты Кореи от доминирования коммунистов, но боялся, что любая её форма повлечёт за собой жестокую оппозицию местного населения [36, р. 112].

Левые партии юга Кореи поначалу столь же решительно, как и правые, выступали против опеки, однако уже в январе 1946 г. резко изменили своё мнение, взяв курс на поддержку решений Московского совещания [37, р. 615].

В Пхеньяне также не ожидали введения опеки в Корее. Ответственный секретарь Северокорейского оргбюро Компартии Кореи Ким Ир Сен в обращении к корейскому народу заявил, что «такое решение может более или менее противоречить нашему субъективному желанию» [31, с. 104]. Тем не менее под давлением СССР северокорейские коммунисты согласились с решениями Московского совещания. Акции протеста против опеки, проводимые иными политическими силами Севера, пресекались советской военной администрацией.

Работа Совместной советско-американской комиссии по образованию Временного корейского демократического правительства началась 20 марта 1946 г. в Сеуле. В ходе переговоров между недавними союзниками с самого начала проявились серьёзные противоречия. Американцы заняли позицию поддержки правых партий – противников опеки над Кореей и решений Московского совещания, тем не менее, подтверждая её необходимость на закрытых совещаниях. В свою очередь, советская сторона умело использовала решения Московского совещания в своих интересах, стремясь оттеснить занимавших правый фланг политического спектра противников опеки от участия в формировании Временного правительства. При этом отношение к самой идее опеки стало скорее символом, своеобразным индикатором принадлежности к крайне неоднородным полярным лагерям. Реализация предложений Советского Союза вела к доминированию левых политических сил в обеих частях Кореи.

Ни одна из сторон не могла пойти на значительные уступки, что и привело к тупику в переговорах и последующей остановке работы комиссии в 1947 г. Параллельно американцами прорабатывались альтернативные механизмы решения корейского вопроса. Характерно, что один из них подразумевал возврат к рузвельтовской идее установления четырёхсторонней опеки [38, р. 601–602].

Для реализации на практике был избран вариант, предусматривающий окончательный отказ от идеи опеки и передачу корейского вопроса на рассмотрение Генеральной ассамблеи ООН, находившейся в рассматриваемый период практически под полным контролем США. 14 ноября 1947 г. Генассамблей была принята резолюция по Корее, составленная на основе американского проекта. В ней рекомендовалось провести выборы в Национальное собрание по всей территории полуострова до 31 марта 1948 г. [38, р. 857–859; 39]. Этот шаг вызвал резкое неприятие в Москве и, по факту, предопределил раскол Кореи на два независимых государства.

В целом, концепция опеки, предложенная Рузвельтом, являлась базовым сценарием решения корейского вопроса с начала Второй мировой войны и вплоть до 1947 г. Эта концепция предусматривала создание единого и независимого корейского государства посредством определённого подготовительного периода, в рамках которого ответственность за развитие полуострова брали на себя заинтересованные великие державы. Этот подход гарантировал соблюдение интересов Великобритании и СССР, а также отвечал целям Китая, стремившегося не допустить единоличного преобладания Москвы в регионе.

При этом реальное смысловое наполнение концепции эволюционировало с течением времени. Даже при Рузвельте идеалистический антиколониализм этой идеи уживался с планами по обеспечению безопасности США на Тихом океане. С приходом к власти в США Трумэна антиколониальная составляющая окончательно отошла на второй план, а идея опеки приобрела преимущественно прагматическое наполнение. Так, задача по контролю над значимыми островами Тихого океана была решена путём включения в неё понятия «стратегических районов». Функцию прикрытия истинных американских интересов опека начала выполнять и в Корее – теперь её применение ставилось в прямую зависимость от геополитических приоритетов США и с учётом роста влияния левых партий и организаций на полуострове. Такой подход фактически гарантировал фиксирование раскола Ко-

реи в условиях генезиса холодной войны и масштабных протестов местного населения против решений Московского совещания министров иностранных дел 1945 г. В результате после освобождения Кореи концепция опеки превратилась из практического механизма создания корейского государства в материал для политических махинаций. Это предопределило отказ от остатков рузвельтовского плана урегулирования на полуострове и создание двух независимых и враждебных друг другу корейских государств.

Статья подготовлена в рамках Гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ РФ, НШ-9803.2016.6.

Примечания

1. Интересно, что этот опыт стал успешным и в антиколониальном плане – в 1979 г. кондоминиум вошёл в состав новопровозглашённой республики Кирибати.

2. На самом деле 88-я отдельная стрелковая бригада, состоящая не только из корейцев, но и из китайцев, включала в себя только четыре стрелковых батальона.

3. Сотрудник аппарата политического советника в Корею У. Лэнгдона.

Список литературы

1. Асмолов К.В. От Тэвонгуна до Сонгуна. Очерки социально-политической истории Кореи в новое и новейшее время. Часть 2. [Рукопись предоставлена автором].
2. Stettinius E. The Diaries, 1943–1946. N.Y., 1975. 544 p.
3. Donovan F. Mr. Roosevelt's four freedoms. N.Y., 1966. 245 p.
4. Hull C. The Memoirs of Cordell Hull. V. 2. N.Y., 1804 p.
5. Leahy W. I was there. The Personal Story of the Chief of Staff to President Roosevelt and Truman, based on his notes and diaries, made at the time. N.Y., 1950. 527 p.
6. Dallek R. Franklin. D. Roosevelt and American foreign policy, 1932–1945. N.Y., 1979. 657 p.
7. Welles S. Time for Decision. N.Y., 1944. 431 p.
8. Thullen G. Trusteeship System: A Study of Political Behavior in the United Nations. Genève, 1964. 217 p.
9. Forrestal J. The Forrestal diaries. N.Y., 1951. 581 p.
10. Welles S. Seven Decisions that Shaped History. N.Y., 1950. 236 p.
11. Foreign Relations of United States (Далее – FRUS). 1943. Vol. 3. Wash., 1963. 1151 p.
12. FRUS. 1943. Conferences at Cairo and Tehran. Wash., 1961. 932 p.
13. Oliver R.T. Syngman Rhee – the Man behind the Myth. N.Y., 1955. 380 p.
14. Kim J. Representing the Invisible: The American Perceptions of Colonial Korea (1910–1945). N.Y., 2011. 372 p.
15. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. Т. 4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). М., 1984. 274 с.
16. Материалы Ялтинской конференции 1945 г. Электронная библиотека исторического факультета МГУ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/ER/Text/War_Conf/krim08.htm, свободный.
17. Miscamble W. From Roosevelt to Truman: Potsdam, Hiroshima, and the Cold War. N.Y., 2007. 393 p.
18. Truman H. Memoirs of Harry S. Truman. Vol. I. Year of Decisions. N.Y., 1955. 596 p.
19. Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. М., 2006. 752 с.
20. Pifer T. «I had always been opposed to colonialism: President Harry S. Truman and the end of European colonialism» // Electronic Theses and Dissertations. Paper 1139 [Electronic resource]. Режим доступа: <http://ir.library.louisville.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2138&context=etd>, свободный.
21. Matray J. Civil war of a sort. The International origins of the Korean Conflict // The Korean war in Retrospect: Lessons for the future. Lanham, 1998.
22. FRUS. 1945. The Conference of Berlin, Vol. 1. Wash., 1960. 1088 p.
23. Bernstein B. Truman at Potsdam. His secret diary // Foreign service journal. 1980. July/august.
24. Hasegawa T. The Soviet Factor in Ending the Pacific War: From the Hirota-Malik Negotiations to Soviet Entry into the War. Wash., 2003. 227 p.
25. FRUS. 1945. The Conference of Berlin. Vol. 2. Wash., 1960. 1645 p.
26. FRUS. 1945. Vol. VII. Wash., 1969. 1506 p.
27. FRUS. 1945. Vol. VI. Wash., 1969. 1436 p.
28. Hastings M. The Korean war. N.Y., 1987. 476 p.
29. Park Tae Gyun. An Ally and Empire. Two myths of South Korea – United States Relations, 1945–1980. Phaju-si, 2006. 412 p.
30. FRUS 1945. Vol. II. Wash., 1967. 1577 p.
31. Ки Кван Со. Московское совещание министров иностранных дел (декабрь 1945 г.) и раскол Кореи // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 5.
32. Cumings B. The Origins of the Korean war. Vol. I. Liberation and the Emergence of Separate Regimes, 1945–1947. Seoul, 2002. 606 p.
33. Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны, 1945–1995. М., 1997. 353 с.
34. Bok-ryong Shin. The decision process of the Trusteeship in Korea, 1945–1946: Focusing of the Change of US Ideas // Pacific focus. 2004. Vol. XIX. № 1.
35. Matray J.I. The reluctant crusade. Honolulu, 1985. 351 p.

36. Soon Sung Cho. Korea in world politics 1940–1950. Berkeley, 1967. 338 p.
 37. FRUS. 1946. Vol. VIII. Wash., 1971. 1137 p.
 38. FRUS. 1947. Vol. VI. Wash., 1972. 1159 p.
 39. Resolutions: General Assembly (GA), 2nd session: United Nations (UN). 1947. A/RES/112(II)[A-B] The problem of the independence of Korea. Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/038/19/IMG/NR003819.pdf>, свободный.

FRANKLIN D. ROOSEVELT'S TRUSTEESHIP CONCEPT AND FAILURE TO IMPLEMENT IT IN KOREA

V.T. Yungblud, D.A. Sadakov

One of Roosevelt's favourite ideas was a trusteeship system which meant gradual formation of nation states on the territories whose people were not prepared for independence and autonomy under close supervision by a special international body. The article analyses the reasons why Korea was chosen as a testing ground for this idea; as well as why the trusteeship idea turned into a friend-or-foe indicator for the right- and left-wing political movements and an instrument of political bargaining shortly after the liberation of Korea.

Keywords: trusteeship, Roosevelt, Truman, US foreign policy, division of Korea, Soviet-American relations.

References

1. Asmolov K.V. Ot Tehvonguna do Songuna. Ocherki social'no-politicheskoy istorii Korei v novoe i novejshee vremya. Chast' 2. [Rukopis' predstavlena avtorom].
2. Stettinius E. The Diaries, 1943–1946. N.Y., 1975. 544 p.
3. Donovan F. Mr. Roosevelt's four freedoms. N.Y., 1966. 245 p.
4. Hull C. The Memoirs of Cordell Hull. V. 2. N.Y., 1804 p.
5. Leahy W. I was there. The Personal Story of the Chief of Staff to President Roosevelt and Truman, based on his notes and diaries, made at the time. N.Y., 1950. 527 p.
6. Dallek R. Franklin. D. Roosevelt and American foreign policy, 1932–1945. N.Y., 1979. 657 p.
7. Welles S. Time for Decision. N.Y., 1944. 431 p.
8. Thullen G. Trusteeship System: A Study of Political Behavior in the United Nations. Genève, 1964. 217 p.
9. Forrestal J. The Forrestal diaries. N.Y., 1951. 581 p.
10. Welles S. Seven Decisions that Shaped History. N.Y., 1950. 236 p.
11. Foreign Relations of United States (Dalee – FRUS). 1943. Vol. 3. Wash., 1963. 1151 p.
12. FRUS. 1943. Conferences at Cairo and Tehran. Wash., 1961. 932 p.
13. Oliver R.T. Syngman Rhee – the Man behind the Myth. N.Y., 1955. 380 p.
14. Kim J. Representing the Invisible: The American Perceptions of Colonial Korea (1910–1945). N.Y., 2011. 372 p.
15. Sovetskij Soyuz na mezhdunarodnyh konferenciyah perioda Velikoj Otechestvennoj vojny, 1941–1945 gg. T. 4. Krymskaya konferenciya rukovoditelej trekh soyuznyh derzhav – SSSR, SShA i Velikobritanii (4–11 fevralya 1945 g.). M., 1984. 274 s.
16. Materialy Yaltinskoj konferencii 1945 g. Ehlektronnaya biblioteka istoricheskogo fakul'teta MGU [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.hist.msu.ru/ER/Text/War_Conf/krim08.htm, svobodnyj.
17. Miscamble W. From Roosevelt to Truman: Potsdam, Hiroshima, and the Cold War. N.Y., 2007. 393 p.
18. Truman H. Memoirs of Harry S. Truman. Vol. I. Year of Decisions. N.Y., 1955. 596 p.
19. Pechatnov V.O. Stalin, Ruzvel't, Trumehn: SSSR i SShA v 1940-h gg.: Dokumental'nye ocherki. M., 2006. 752 s.
20. Pifer T. «I had always been opposed to colonialism: President Harry S. Truman and the end of European colonialism» // Electronic Theses and Dissertations. Paper 1139 [Electronic resource]. Rezhim dostupa: <http://ir.library.louisville.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2138&context=etd>, svobodnyj.
21. Matray J. Civil war of a sort. The International origins of the Korean Conflict // The Korean war in Retrospect: Lessons for the future. Lanham, 1998.
22. FRUS. 1945. The Conference of Berlin, Vol. 1. Wash., 1960. 1088 p.
23. Bernstein B. Truman at Potsdam. His secret diary // Foreign service journal. 1980. July/august.
24. Hasegawa T. The Soviet Factor in Ending the Pacific War: From the Hirota-Malik Negotiations to Soviet Entry into the War. Wash., 2003. 227 p.
25. FRUS. 1945. The Conference of Berlin. Vol. 2. Wash., 1960. 1645 p.
26. FRUS. 1945. Vol. VII. Wash., 1969. 1506 p.
27. FRUS. 1945. Vol. VI. Wash., 1969. 1436 p.
28. Hastings M. The Korean war. N.Y., 1987. 476 p.
29. Park Tae Gyun. An Ally and Empire. Two myths of South Korea – United States Relations, 1945–1980. Phajusi, 2006. 412 p.
30. FRUS 1945. Vol. II. Wash., 1967. 1577 p.
31. Ki Kvan So. Moskovskoe soveshchanie ministrov inostrannyh del (dekabr' 1945 g.) i raskol Korei // Problemy Dal'nego Vostoka. 1997. № 5.
32. Cumings B. The Origins of the Korean war. Vol. I. Liberation and the Emergence of Separate Regimes, 1945–1947. Seoul, 2002. 606 p.
33. Bogaturov A.D. Velikie derzhavy na Tihom okeane. Istoriya i teoriya mezhdunarodnyh otnoshenij v Vostochnoj

- Azii posle Vtoroj mirovoj vojny, 1945–1995. M., 1997. 353 s.
34. Bok-ryong Shin. The decision process of the Trusteeship in Korea, 1945–1946: Focusing of the Change of US Ideas// Pacific focus, 2004. Vol. XIX. № 1.
35. Matray J.I. The reluctant crusade. Honolulu, 1985. 351 p.
36. Soon Sung Cho. Korea in world politics 1940–1950. Berkeley, 1967. 338 p.
37. FRUS. 1946. Vol. VIII. Wash., 1971. 1137 p.
38. FRUS. 1947. Vol. VI. Wash., 1972. 1159 p.

39. Resolutions: General Assembly (GA), 2nd session: United Nations (UN). 1947. A/RES/112(II)[A-B] The problem of the independence of Korea. Rezhim dostupa: [http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/038/19/IMG/NR003819.pdf](http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/038/19/IMG/NR003819.pdf?OpenDocument), svobodnyj.